

Огромный аэропорт Бен Гурион был, как всегда, почти пуст. Тишина, прохлада, покой. Сотня пассажиров, растворившихся в огромном пространстве, и редкие фигурки людей с внимательными взглядами, а ещё много воздуха и света — вот и всё.

Семён кинул сумку за плечо и пошел на паспортный контроль. И так, больше нет причин ездить в Россию, не к кому. Поговорили. Точнее, наговорили друг другу. Он пытался вспомнить — неужели в той большой стране так и не осталось ни одного близкого человека, но тут его грустную переключку прервал чей-то низкий, но нервный голос:

— Паломник! Я есть паломник!

Похоже, израильский офицер не понимал мужика и тот повторял — то по слогам, то почему-то с грузинским акцентом:

— Понимаешь, я есть пэлэмник!

Офицер тоскливо оглядывался, но, похоже, его русскоговорящие коллеги куда-то опять провалились.

— Holy land! — сказал в спину мужику Семён, он и сам был не силен в иврите.

Офицер с облегчением лязгнул штемпелем по паспорту этому бедолаге и улыбнулся Семёну.

— Спасибо, друг! — с заминкой крикнул мужик, и Семён, не оборачиваясь, помахал ему рукой.

На парковке, пустой, как утреннее футбольное поле, он снова увидел мужика, и на этот раз разглядел его повнимательней. Большой, светлый — не то блондинистый, не то поседевший не по годам, с кудлатой бородой и, судя по упёртому в поясницу кулаку, ещё и с радикулитом.

Семён сел в свою старенькую Хонду, тронулся, и мужик почти бросился ему под колёса.

— А это вы! — узнал и тут же обрадовался мужик. — Спасибо ещё раз! Что-то я растерялся на этом допросе. Догадываюсь, о чём он спрашивает, а все слова вылетели из головы.

— Бывает! — сказал Семён. — Вы здесь зря такси ловите, они стоят вон там, точнее, стояли. Сейчас уже все разъехались, думаю.

— Что же делать...

— А вам куда? — неожиданно для себя спросил Семён.

— Я — по Святым местам!

— Я так и подумал. А точнее?

— Я точно и сам не знаю. Что смогу... Иерусалим, Назарет, Вифлеем...

- В каком отеле вы забронировали себе номер?
- Ну, это дорого — в отеле. Я как-то так... как русские странники, пешочком, где-нибудь под деревом прикорну. А на гору Фавор, как в старину, на коленях поднимусь.
- Даже так? С вашим-то радикулитом?
- Это вы верно заметили! — засмеялся мужик. — Есть грех, сорвал спину. Да это неважно, потерплю. Господь исцелит.
- И мужик, улыбнувшись светло и просто, ещё раз кивнул Семёну и пошagal вдоль дороги.
- Садитесь! — сказал сердито Семён, догнав на первой скорости бедолагу. — А знаете, я вас покатаю. Таки да! И расскажу, и покажу! А вы взамен будете честно отвечать на все мои вопросы. И ещё. Я вас попрошу потом о чём-нибудь. И вы выполните ту просьбу.

Фёдор внимательно посмотрел на него, усмехнулся. Семён удивился и заглянул в треснувшее автомобильное зеркало: толстое, потное лицо, большой еврейский нос, губы навыверт. Таких здесь много.

- Ну, так что? — спросил он мужика. — Согласны?
- Так мы врать-то не привыкли! — удивился мужик. — Только денег у меня мало. Почти пятьдесят этих... евриков. С мелочью.
- Ну, еврики, так еврики, потом разберемся. Садитесь. Как вас зовут?
- Фёдор. Из города Валдая, там колокольчики у нас знатные делают. Ну, да вы, наверное, знаете.

Семён пожал плечами, и они поехали, покатали по пустой автостраде.

- Маршрут выбираю я. Это условие первое.
- Да, спасибо... — как-то машинально ответил Фёдор, глядя на нежно-зелёные, ещё не сожженные солнцем поля, на лохматые пальмы, на красненький двухэтажный поезд в семь вагончиков, похожий на новую игрушку, что бежал в том же направлении.
- Давай на «ты». Ты спрашивай, Федя, если что-то интересное увидишь. Я-то буду много спрашивать.
- Почему ты со мной возишься? — прямо спросил Фёдор.
- Тебя это удивляет? Почему?
- Ну... принято считать, что люди вашей национальности...
- Понятно. Считается, что жида без выгоды ничего не делают?

Фёдор посмотрел на его напрягшееся лицо и сказал:

- Я хотел употребить слово еврей.
- Уже хорошо. А ты слышал такое слово «мицва»? — снова начал задираться израильтянин.
- Что это или кто это? — искренне заинтересовался Фёдор. — Что-то знакомое. Лепёшка такая?
- Мицва, это когда просто делают доброе дело без всякой выгоды. У вас даже такого понятия нет!

— Нет! — легко согласился Фёдор и даже весело почесал свою русую кудлатую бороду. — Мы просто делаем добрые дела и не объявляем с выходом из-за печки: мицва! Исполняется Семёном Кацманом! Извини, не знаю твоей фамилии, просто всплыло в памяти из какой-то песенки.

— Ладно, сработаемся! — засмеялся Семён.

Радиоприемник, что бормотал что-то неразборчивое, вдруг заговорил по-русски:

— А теперь прогноз погоды. Завтра будет чуть-чуть теплее! — И снова заиграла музыка.

— Весело тут у вас! — признался Фёдор. — И, правда, кому нужны эти градусы. Чуть-чуть теплее... Смешно. Ну и жара тут у вас!

А потом, как-то сразу, они приехали в Назарет. Фёдор даже ахнул, заволновался, начал крутить головой. А потом в растерянности посмотрел на Семёна. Город оказался арабским, грязноватым, шумным.

Они поставили машину на парковку, пошли пешком. С минаретов через мощные динамики зазывали в мечети муллы, уличный музыкант, что тут же торговал по совместительству клетчатыми платками «арафатками», услышал русскую речь и сразу заиграл: «Расцветали яблони и груши»... даже запел. Жизнь кипела. У входа в храм, там, где Мария впервые увидела ангела, галдели арабы, пытались всучить паломникам грязные бутылки, чтобы они так же, как Пречистая, набрали воды из источника.

Зашли в прохладный храм, Фёдор долго молился, Семён посмотрел иконы, сделал пару снимков, сходил на площадь и выпил кружку свежевыжатого сока, потом вернулся в храм и поболтал со служкой, который так же торговал бутылками, только чистыми и с фирменными этикетками.

Потом сходили в базилику Благовещения, храм, который начинали строить ещё в Четвертом веке при Константине, он достраивался, перестраивался разрушался сарацинами и наконец встал в современном виде уже в наше время.

Фёдору этот храм не понравился — место святое, намоленное, а помотришь — большая домина, в два этажа, а где клирос, где алтарь, где амвон — и не поймешь. Стены как при недострое — в грубом цементе, а Дева Мария — на все лады, у китайцев в кимоно узкоглазая, у мексиканских христиан — в сомбреро. Срамота.

— Ну как? — спросил Семён. — Впечатлило?

— Да не очень, — признался Фёдор. — Хоть бы стенки оштукатурили.

— Архитектурный брутализм называется...

— Ботулизм? — не расслышал Фёдор. — Так от него отравиться можно. У греков сейчас молился, светло душе было.

— Ладно, пошли в лавку, хочу подарок тебе сделать по случаю посещения первых святых.

Это была не лавка, скорее стильный религиозный бутик. Там угощали бесплатно вином, там сверкали драгоценными камнями кресты и ладанки, рядом звезды Давида, чётки и статуэтки, иконы старинного письма и новоделы, живопись на религиозную тему. Даже ржавый наконечник римского копья лежал на витрине, вроде как именно им в бок Христу на кресте ткнули, а потом в эту лавку принесли. Семён подошёл к кассе, что-то купил.

— Вот, это иерусалимский крест. Держи. Это серебряшка.

— Я видел такие кресты в кино. На щитах рыцарей, — сказал Фёдор, тетёшкая крестик на ладони.

— Это крест паломников. Рыцари тоже были паломниками. Его нужно носить поверх своего нательного крестика, можно вообще поверх одежды.

— Наши-то таких крестиков не признают.

— Они много чего не признают. Здесь вот, в Назарете, в базилике Благовещения среди ликов Богородицы почему нет русской иконы?

— Там же есть Казанской Божьей Матери! Я сам видел!

— Это греческая икона. И в Храме Гроба Господня нет русской территории! Есть армянская, коптская, греческая, католическая, сирийская и даже эфиопская. А русской нет. А почему? Гордыня. Мы, мол, свой Иерусалим построим. И построили. Под Москвой. А он один, Иерусалим! Но ты молодец — приехал в настоящий Иерусалим, пешком готов был пройти.

— И пройду! — упрямо сказал Фёдор.

И они поехали, понеслись вниз. По горному серпантину, от Назарета, что стоял, как и положено дому Бога, на вершине горы. Они спускались в зелёную долину, над которой, по преданию, должны сойтись в последней битве силы Добра и Зла. Армагеддон. Это по-гречески. На иврите просто: Магеддон.

Внезапно Семён притормозил, прижался к небольшой смотровой площадке.

— Пошли! — И они пошли по узкому уступу, добрались до обрыва.

— Что это? — спросил Фёдор.

— Скала Большого прыжка.

Ветерок натягивал от долины пряные запахи, облака клубились, и в каждом из них виделись то крылья ангелов, то чьи-то рыла.

— Я слышал эту легенду, — сказал Фёдор.

— Это не легенда, это есть у Марка: «... вывели Его за пределы города, и привели на обрыв высокой горы, на которой был расположен город, чтобы сбросить его вниз».

— Это здесь было?

— Да.

— И что?

— Он, как пишет Марк, «прошёл сквозь них». Не прыгнул и уцелел, не взлетел как птица, а прошёл сквозь них.

— Ну, начинается извечное еврейское: этот Христос был наш-таки парень из соседней деревни.

— А почему он не прыгнул? Прыгнул бы и все бы поверили! — наседал Семён.

— Смешно. Он был Богом, а не фокусником. Когда надо было — воскресал, ходил по водам, а когда видел, что и это не убедит разъярённых земляков, то просто прошёл через толпу. Кстати, это сделать совсем не просто, вот так, не применяя спецсредств, пройти сквозь толпу. Уж я-то знаю.

— Ну, почему он не прыгнул?

— Хочешь, я прыгну? Если прыгну, ты поверишь? — как-то очень просто спросил Фёдор.

— Не болтай глупос... — начал было Семён, а Фёдор ловко перешагнул ограждение, вытянулся в струнку и просто качнулся вперёд, туда, где под ногами лениво плавали три орла.

— Чёрт! — крикнул Семён, поймав приятеля за шиворот. — Ладно! ОК! Я верю, верю, твою же мать... Придурок! Поехали домой.

Всю дорогу Семён злился, его трясло, он что-то бормотал на иврите, впрочем, всё было ясно и без перевода. Фёдор сидел повеселевший, поглядывал по сторонам: ухоженные поля, красивые подпорные стенки вдоль дороги, прорубленной в ущелье, верблюды и огромные туристические автобусы, припаркованные рядом с кибитками бедуинов.

— Нашкодил и радуешься? — не выдержал Семён.

— Нет, просто спину отпустило. Вообще нет боли.

— Думаешь, это Он тебя исцелил за попытку суицида? Это же грех у вас!

— Станет Он на мелочи отвлекаться. А у вас самоубийство — не грех? — спросил с интересом Фёдор.

— У нас это, как всегда, сложный вопрос. Мы единственная страна в мире, которая требует от наших солдат, попавших в плен, выдавать военную тайну, сохраняя тем самым жизнь. С другой стороны, мы чтим героев Масады, которые убили друг друга, убили женщин и детей, чтобы не сдаться римлянам, не попасть в рабство. По-сути, это было коллективное самоубийство.

Остановились на заправке уже затемно. За сеткой, огораживающей дорогу, выли шакалы — самозабвенно и отреченно. Фёдор вышел из машины — размяться. Рядом с парковкой стоял вагончик, как у нас — для строителей на три таджико-места, но только со Звездой Давида. Дверь открылась, из вагончика вышел еврей с какой-то коробочкой на голове, спросил что-то, Фёдор кивнул машинально, он жестом пригласил во внутрь. Фёдор улыбнулся и пошёл.

— Эй-эй, нам ехать пора! — сказал ему в спину подошедший Семён. — Потом исповедуешься.

— А что это?

— Ты не понял? Это передвижная синагога. Для тех, кому в дороге приспичило не только в сортир, но и помолиться.

Они подъехали к дому Семёна уже за полночь. Домик, точнее половина дома (за каменным забором жили арабы) был небольшой, но уютный. На первом, проходном, этаже была кухня, она же и гостиная, туалет, на втором — просторная спальня и душ. Семён запустил гостя под душ — смыть усталость, постоять под прохладной водой, давая остыть телу после этой внезапной, невыносимой для марта жары.

Потом Фёдор осмотрелся. Дом был распisan местными сюжетами — старый еврей играет на скрипочке, женщина с рыжими кудрями грустит над разрезанным алым арбузом и, конечно же, Иерусалим — вечный город из белого, слегка розоватого камня.

— Уютно у тебя, — сказал Фёдор, осторожно трогая мазки краски.

— Ещё не всё сделано! — отозвался хозяин. — Надо ещё бомбоубежище строить, персональное. Всех обязывают.

— Как? Где?

— Или укреплять одну из комнат, или копать бомбоубежище... Арматура, бетон на полметра толщиной... Не потяну! Ладно, Господь защитит.

— Я так понял, что особенно в Бога-то и не веришь...

— Это смотря во что верить! — засмеялся Семён. — Если в силу господню, то верю — иногда как врежет, что все или потонут кроме одного Ноя с сыновьями, или провалятся в тартарары целым городом. А в защите, в справедливость его — нет, не верю. То друга заберет, то любимую женщину раньше времени. Ладно, ещё поговорим, будет время. Садись, я вина налил.

Сели, звякнули бокалами:

— Ну, за вечный город Иерусалим!

— За Иерусалим, храни его Бог!

— Ммм... какое вино! — удивился Фёдор.

— А ты думал, мы здесь уксус пьём? Почему такое удивление?

— Ну, как-то принято считать, что лучшие вина во Франции, Испании, в Грузии, наконец...

— Можно подумать, что ваш Христос в Тбилиси воду в вино превращал. Все перечисленные тобой страны во времена Христа в лучшем случае мёды пили, а чаще — просто брагу. Они лет триста назад как вино-то делать научились. И всего двести лет прошло, как их мыться заставили... Причем, вино и гигиена порою сочетались: одного короля, чтобы не умер от грязи, напоили до бесчувствия, а потом помыли.

— Ну, давай за дружбу между религиями! — сказал тост Фёдор.

- Давай! Рыба вот здесь, закусывай. Кстати, та самая, которую апостол Петр ловил. А Христос ещё ему полные сети нагнал. Как пошёл пешком по водам, так и нагнал.
- Это разные эпизоды. Не богохульствуй, сатана!
- Ха! — сказал довольный Семён.
- Да ладно, я слышал, что у вас, в Израиле, Христа воспринимают как парня из соседней деревни. Хороший фокусник, экстрасенс, гипнотизёр...
- Врач! — не согласился Семён.
- ...или ещё хуже — пришелец, гуманоид. Или землянин, но из Будущего! Век этак Тридцатый.
- ...от Рождества Христова... — засмеялся Семён.
- Самому смешно.
- Нет, а на самом деле? Все знают — где он родился, кто были его родители, сёстры, братья... — сказал раздраженно Семён.
- Ты знаешь, если бы Он не был Богом, ему бы всё равно не поверили. Ходил по водам? А кто это видел? Враньё! Воскресил Лазаря? Совпадение, Лазарь сам ожил! Воду в вино превратил? Да там все уже пьяненькие были, не заметили, как он из кувшина хорошего вина подлил!
- Так что же заставило людей поверить? Кроме самой философии мира, добра, прощения? Что? Кто? — встал над столом Семён.
- Вы.
- Кто это мы?
- Вы, евреи.
- Объясни.
- Не будь в Ветхом Завете столь подробного описания рождения, жизни и смерти Христа, его вера не продержалась бы две тысячи лет. Она умерла бы вместе с последним апостолом. А что? Христа не стало, Второе пришествие всё откладывается, чудес всё меньше... Но вы сами предсказали всю его жизнь, подробности смерти и воскресения.
- Ну, допустим... И Звезда, и рождение, и избиение младенцев... — начал соображать Семён. — Ты знаешь, в этом есть что-то. Можно подгадать под какое-нибудь предсказанное событие, но всё то, что было предсказано пророками... особенно трудно заказать удар копьем, особенно если ты уже умер на кресте.

Они помолчали, глядя в открытое окно — крупные, гранёные звезды перемигивались совсем рядом.

- Завтра поедем в Иерусалим?
- Да, только завернем в одно место. Хочу показать тебе дом. Очень старый дом.

Утром они выехали рано, но солнце уже пекло немилосердно. А потом ещё Семён свернул с широкой трассы, скорость упала, стало совсем

невтерпёж. Наконец, остановились. Вокруг была пустыня. Ущелье отсекло дорогу. Приехали бы они сюда ночью, была бы полная гармония — миллиард камней под ногами и миллиард звезд над головой. И такой же провал, такое же мерцающее ущелье в небесах — Млечный путь.

Впрочем, за грудой камней были видны руины древнего дома.

— Пойдем, здесь спуститься можно, — сказал Фёдор.

По стёртым за века ступеням они спустились вниз. Под домом была огромная пещера, которую выбили, выгрызли в камне. Какие-то ячейки, как огромные пчелиные соты, были видны в стенах пещеры.

— Что это? — спросил Фёдор.

— Просто дом. Но смотри, как всё толково сделано! Там, наверху, по системе желобов собирается вода, стекает сюда, здесь было целое озеро. Вот видишь, как будто пропилили камень — это протерли веревками, когда воду вытаскивали.

— А это что за... отверстия?

— Это люди сделали. Для птиц. Они там селились. Значит, можно было брать яйца, птичье мясо. Просто брать.

— Наверное, место было очень важное. Караваны какие-нибудь шли... Что-то вроде древней таможни, что люди вынуждены были жить здесь. Точнее, выживать...

— Нет, Фёдор. Караваны шли севернее, километров пятьдесят отсюда. А зачем человек живёт? Чтобы жить? Для продолжения рода?

— Чтобы не грешить! — сказал Фёдор.

— Верно. То есть для Бога. А Бог живет здесь. И как бы тяжело здесь ни было, тут жить необходимо, ибо Он может явить себя в любую минуту.

— Он может явить себя везде, — сказал упрямо Фёдор.

— Может. Но чаще он это делает здесь. Ладно, поехали!

И они поехали в Иерусалим. Было видно, как Фёдор волнуется, что-то шепчет, улыбается, вздыхает прерывистым, рваным дыханием. Семён попробовал настроиться на такую же волну — да я вас умоляю! — жара, спина опять вся мокрая.

Издали вечный город казался ослепительно белым. Подъехали ближе — светло-бежевый, с розовым оттенком, уникальный иерусалимский камень. Семён долго рулил, петлял по кривым и узким улочкам, построенным, похоже, ещё крестоносцами.

— Где мы? — спросил Фёдор.

— На Масленичной горе, — просто сказал Семён.

— Это где Гефсиманский сад? — ахнул Фёдор.

— Да, он чуть ниже. А вот здесь, через ворота видно, часовенка. Это место, где уснули его апостолы. А вот этот обломок колонны — так отмечено место, где Иуда поцеловал Христа. Предал! Или выполнил его приказ, есть разные мнения.

Гефсиманский сад оказался маленьким, как дачные шесть соток в России, зато мощные, закрученные за столетия стволами оливы, были потрясающими живыми существами. В жилистых переплетениях древесной плоти можно было увидеть руки, воздетые к небесам, лица, скорбящие и гневные, спины, согбенные и усталые.

— Господи... да они же совсем... невысокие! — судорожно выдохнул Фёдор.

— Нет, конечно. А почему они должны быть огромными? Это же не бабы!

— Нет, но... картины! Помнишь, у Николая Ге? Огромные деревья, ночь, ветер...

— Просто он не был на Святой Земле. Это ещё что! Когда на Руси первые богомазы начали писать иконы, где Христос входит в Иерусалим, совсем смешно получалось.

— А что там было смешного?

— Думаю, из них никто не видел живого осла, особенно валаамские монахи, так они рисовали маленькую лошадь с головой собаки, — усмехнулся Семён.

— Забавно! — ответил, думая о своем, его новый приятель.

Фёдор смотрел вокруг совершенно счастливыми глазами, и Семён даже на секунду позавидовал этому кудлатому мужику.

Потом поехали на Храмовую гору. Древние камни, высокие стены... Котёл, где варились все цивилизации, главные религии, мировая история. Место проклятое и благословенное.

— К Храму Гроба Господня можно пройти быстро, а можно... по Via Dolorosa, — сказал Семён.

— Это... по Крестному пути?

— Да. Со всеми станциями. Ты как себя чувствуешь, Федя?

— Как и положено паломнику — физические страдания, спина-то болит, и душевный восторг, все одновременно.

— Ладно, пошли!

Обычно реки текут под уклон, эта же человеческая река уже двадцать веков текла вверх, к Голгофе. По берегам её галдел рынок, вселенский базар, где можно было купить всё — от сладких орешков до мощей святого.

Фёдор, вцепившись скрюченными пальцами в поясицу, шёл, не останавливаясь. Лишь однажды, на одной из станций, где, по преданию, Христос, изнемогая, прислонился правой рукой к стене, Фёдор тоже решил передохнуть. Он постоял, глядя, как разные народы прикладывают свои руки к отпечатку Его ладони, примерился... Выходило, что Его развернуло под тяжестью креста и, стоя спиной к Голгофе, Он оперся о стену. Или... Нет, по-другому не получится! Фёдор примерился, приложил

ладонь — след на камне, выдавленный миллионами прикосновений, был чуть больше, чем рука обычного человека, но такой же тёплый, не просто накалённый солнцем, а тёплый живым, не нагретым теплом.

Так они дошли до главного храма. Во Храме Гроба Господня было прохладно. Они вошли, и сразу — вот она, плита! Та самая, на которой омывали тело Иисуса. Фёдор обернулся, взглянул вопросительно. Семён кивнул: да, здесь, но сюда вернёмся позднее.

По крутой лестнице (в тридцать три ступени, подумал Фёдор) они поднялись в Храм Голгофы. Беззвучно горели свечи и тлели лампы, блуждали живые блики по золоту икон, сгустившийся живой воздух был намагничен какой-то силой, дающей ощущение счастья, а счастье было от осознания чего-то важного, самого главного, вечного, ещё не понятого до конца.

Люди молились. Старый китаец читал свои иероглифы с экрана планшета, молодая монашка с тонким и наивным лицом стояла неподвижно на коленях, какой-то старик сидел на каменной скамье и тихо плакал — не то от предчувствия смерти, не то от появившейся надежды на жизнь вечную и правильную.

Но основная масса людей протекала мимо. Люди тормозили на несколько секунд, глядя, как очередной экскурсант совал руку в отверстие, оставшееся от креста, потом и сами делали ту же манипуляцию.

Фёдор тоже встал на колени, уронил голову на грудь, долго стоял, что-то шептал, объясняя... Потом он с трудом, морщась от боли, встал, потёр своё застывшее в каком-то покорном выражении лицо, вздохнул и пошёл к лестнице, ведущей вниз.

Они выстояли огромную очередь ко Гробу Господню, стянутыми после землетрясения железными полосами. Молодой монах подгонял, хлопая ладонью по стенке этой погребальной пещеры, кувуклии. Всё было быстро, как в Мавзолее, Фёдор не успел ничего рассмотреть, понять, прочувствовать, он начал озирается, но выходящий народ напирал, пришлось уйти.

— Тут ещё есть Храм Черепа, Пуп Земли. Посмотрим? Там русские паникадила висят, огромные люстры бронзовые, — сказал виновато Семён.

— А больше здесь ничего русского нет? — спросил устало Фёдор.

— Нет. Вы же свой Новый Иерусалим построили. В Крестовых походах не участвовали...

— Греки, сирийцы, эфиопы... и кто там ещё владеет своей частью храма?

— Армяне.

— Да, армяне. Они что, тоже здесь воевали и строили?

— Не знаю, Фёдор, так сложилось.

— Пойдем ещё раз к плите, где омывали Христа, — попросил Фёдор.

— Пойдем. Тем более что мимо её не пройдёшь, она на входе.

Потом они снова вышли к этому месту, к Плите, Камню миропомазания. Туда, где лежал Он, а рядом, онемев от горя, стояла Мария.

Фёдор, стараясь не морщиться от выкручивающей боли в спине, встал на колени, наклонив седеющую голову, снял цепочку с крестами, православным и иерусалимским, ладонью прижал их к светло-розовому мрамору. А потом потянулся губами к этому камню, отполированному миллиардом таких же сухих губ. Он почти дотянулся до Камня, но вдруг завалился на бок, толкнув сухонькую старушку с клетчатой сумкой. Семён увидел, как из-под головы приятеля медленно поползла блестящая красная змейка, и только через долгую секунду он понял, что это кровь.

— Фёдор? — наклонился над ним Семён.

И в эту секунду, лицо в лицо, над ними согнулась старая черная женщина в огромных зеркальных очках. Семён увидел в них свое толстое и потное лицо — старое уже, с обвисшими щеками, отшатнулся, озираясь по сторонам. Но люди были спокойны, крестились на покойника, кивали понимающе. И вдруг в толпе паломников он увидел странного человека: выгнувшись в поясище, он ковылял на каких-то странных ногах — длинных и нелепых. Почему-то в голове зазвенела дурацкая детская песенка про кузнечика... в траве сидел кузнечик... коленками назад... или это разные песни... кто эти люди? Они могут войти в этот главный храм? И тут же понял: могут! Если они пришли за ним, за Семёном!

— Нет, вы поглядите на него... — неожиданно для себя быстро заговорил Семён. — Таки подгадал и место, и время! А я? Я просто его сюда доставил. И что мне теперь с ним делать?

Семён попятился назад, но его тут же кто-то тронул за плечо:

— Вы были с ним?

— Ну не совсем...

— Я видела, они вместе пришли! — сказала чёрная старуха в зеркальных очках.

— Да мы все здесь... вроде как... вместе! — повернулся к ней Семён, но эта старая сволочь куда-то исчезла.

— Yes! They go around together! — добавил человек с ногами кузнечика.

— Подождите-подождите... — заговорил Семён, заметив краем глаза, что к ним уже спешит охрана. — Это я где-то уже слышал! Ну-ка, друг, вставай!

Фёдора перевернули на спину, лицо его уже начало набирать восковый оттенок, русский курносый нос стал каким-то остреньким, виски провалились.

Один из охранников пощупал пульс на шее, раздвинул веки и посветил фонариком (Фёдор взглянул в лицо Семёну откуда-то издалека, тяжело

и неподвижно посмотрел), потом охранник сомкнул вялое веко, развел руками. Уже кто-то спешил с носилками, молодая монашка быстро промокнула салфеткой кровь, пшикнула на мраморную плиту какой-то водичкой и протерла это место до блеска. Тут же кто-то встал на колени, поцеловал плиту почти там же, где только что была кровь, улыбнулся умиротворенно.

— Господи... — сказал громко Семён. — Что же ты, Господи... Ну, сделай что-нибудь! Федя, я прошу тебя, не умирай. Не умирай!

Он закрыл глаза и ещё раз повторил эти слова громко и истово. Потом услышал шорох под ногами, судорожный вздох и чьи-то радостные возгласы. Фёдор, уже открывший глаза, пытался сесть. Кто-то даже начал аплодировать, но на него цыкнули. Люди стояли, смотрели, кто-то плакал.

— Простите... голова что-то... переволновался... — сказал Фёдор, разлепив спёкшиеся губы.

— Ты идти сможешь? Или в госпиталь? Вон, кстати, уже и носилки принесли... — путаясь, заговорил Семён.

— Нет, я с тобой, — сказал твёрдо Фёдор. — Всё уже... прошло. Ты сможешь?

— Давай, потихоньку... вставай.

Они вышли из Храма, и тут из одинокого облачка брызнул весёлый дождик. Капли плясали на гранитных плитах, стекали по лицам улыбающихся паломников, даже успевали собраться в маленькие лужицы на иерусалимских камнях перед тем, как испариться и снова подняться в небеса.

*Санкт-Петербург — Иерусалим,
2015 г.*

